
6:5
Любовь к тебе
как неизбежность
Смерть — это только начало
Таши Диксон

Таши Диксон

Любовь к тебе как неизбежность (Смерть - это только начало)

https://litres.ru/74940023
SelfPub; 2026

Аннотация

Говорят, родственные души созданы, чтобы спасать друг друга. Враньё.

Две тысячи лет одно и то же: в какой бы век или страну нас ни занесло, порознь жить тошно, а вместе — смертельно опасно. Буквально. Античный Рим, мрачные монастыри, наши дни — декорации меняются, а тянет нас друг к другу ровно для одного: с удовольствием испортить партнёру жизнь и по-дружески помочь ей закончиться раньше срока.

На табло Вселенной сейчас 6:5. Новый раунд пошёл, факел горит, кинжал наточен.

От автора: Ни один исторический факт, народ или кочан репы при написании этой книги не пострадал. Все совпадения — исключительно на совести Вселенной.

Содержание

Древний Рим 4
Парфия 16
Сарматия 27
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Таши Диксон
Любовь к тебе как неизбежность (Смерть - это только начало)

Древний Рим

Я умерла в апреле 1912 года, когда этот злопамятный гад спихнул меня в бурлящие ледяные воды Атлантического океана с борта чёртова «Титаника». Представляете? Он так и не простил мне гильотину во время Французской революции! Можно подумать, я к тому моменту забыла тот милый случай в Испании. Фигушки. Сам напросился.

Хотя стоп. Вы, наверное, сейчас думаете: что она вообще несёт? Сошла с ума, перегрелась на солнце или перебрала с дешёвым вином?

Давайте я расскажу всё по порядку.

Я родилась в Древнем Риме. Точнее, это был первый раз, когда я родилась и всё запомнила — во всяком случае, с этого-то всё и началось.

Звали меня Кальпурния. Я появилась на свет в 76 году до нашей эры в одной из самых богатых семей республики. Мы

жили на шикарной Вилле Папирусов — сейчас вы её не найдёте, её похоронил пепел от извержения Везувия, так что поверить придётся на слово. Технически наш род происходил из плебеев, но к первому веку до нашей эры это уже никого не волновало. У кого деньги и связи — тот и элита, а мы принадлежали к нобилитету, самой верхушке знати. Мой отец, Луций Кальпурний Пизон Цезоний, был влиятельным политиком, ворочал огромными суммами, владел роскошными имениями и умел договариваться с кем угодно.

Естественно, я считалась одной из самых завидных невест Рима. С пелёнок мне вдалбливали в голову, что моё главное жизненное предназначение — удачно выйти замуж и стать красивой, молчаливой тенью какого-нибудь великого патриция.

К замужеству меня готовили капитально, как гладиатора к арене, только вместо меча вручили пяльцы и свод правил.

— Кальпурния, ты должна быть тише, — бесконечно повторяла Лира, поправляя складки моей столы. — Благородная римлянка не хохочет во весь голос, словно торговка на рынке. Опусти глаза. Сложи руки. Спину держи ровнее, ты не мешок с оливками.

Лира была вольноотпущенной гречанкой из обедневшего, но знатного рода, которую приставили ко мне лет с десяти для «улучшения манер». С утра до вечера меня дрессировали, как стать идеальной деталью интерьера для будущего супруга.

— Лира, а если муж скажет полную глупость? — уточнила я как-то, ковыряя иглой кривой лепесток на вышивке. — Например, что земля плоская, как лепёшка?

— Тогда ты кротко опустишь ресницы и восхитишься его мудростью, — не моргнув глазом ответила наставница.

— А если он решит пойти войной на болото и утопит там половину легиона?

— Ты закажешь благодарственный молебен Юпитеру за то, что твой супруг так любит плавать, — отрезала Лира и отобрала у меня пяльцы. — Меньше болтай, Кальпурния. Идеальная жена — как мраморная колонна в атриуме: стоит красиво, поддерживает свод и никогда не скрипит.

Всю мою истинную натуру от этой науки откровенно тошнило. Но я любила отца и не хотела портить ему важные политические расклады. Поэтому год за годом я стискивала зубы, прятала характер поглубже и прилежно впитывала науку «правильной римской жены».

А в 59 году до нашей эры мне исполнилось пятнадцать. И меня наконец-то познакомили с суженым.

Я отлично помню тот день. Лира с самого утра натирала меня дорогими благовониями, укладывала волосы в сложную высокую причёску и шипела, чтобы я не сутулилась, а потом позвала спуститься в один из парадных покоев виллы.

Я вошла, сделала положенный скромный реверанс, подняла глаза — и тут же густо покраснела от смущения. Возле отца стоял худощавый высокий мужчина с породистым ор-

линым носом, пронзительным взглядом и лёгкой сединой на висках. Ему было уже хорошо за сорок, но, надо признать, он был чертовски привлекателен. От него веяло такой уверенностью и силой, что у меня в груди тут же всё сжалось.

— Гай Юлий Цезарь, — с явной гордостью представил его отец.

Я стояла и глупо хлопала глазами, забыв все уроки Лиры. Моим мужем должен был стать тот самый Цезарь? Великий полководец, оратор и любимец всего Рима?

Я тогда ещё была невинной дурочкой и не слышала пикантных слухов, которые ходили по всей республике — ну, тех, где Цезаря за глаза ласково величали «мужем всех жён Рима и женой всех мужей». Для меня он был живой легендой. И я влюбилась в ту же секунду.

Я должна была стать его третьей супругой. Первая умерла совсем молодой, со второй он со громким скандалом развёлся, поймав на какой-то мутной истории с переодетым любовником. Наш же брак, разумеется, был чистым политическим расчётом: Юлию требовались богатство и связи нашей семьи, а моему отцу — его железная поддержка. Цезарь даже подсуетился и сразу после свадьбы протащил папу в консулы на следующий год в знак скрепления нашего союза.

Но тогда мне казалось, что это настоящая сказка. Великий полководец подошёл ко мне, аккуратно взял мои ладони в свои — пальцы у него оказались неожиданно тёплыми и сухими, — и от этого простого прикосновения по моей спине

пробежали мурашки. Он заглянул мне прямо в душу и произнёс бархатным, спокойным голосом:

— Кальпурния, я буду счастлив, если ты станешь моей женой. Но только если ты сама этого захочешь. Ты согласна?

— Конечно, — пропищала я, чувствуя, как щёки пылают ещё сильнее, и не веря, что такой могущественный мужчина вообще спрашивает моё мнение.

Он мягко сжал мои пальцы, словно закрепляя договор, проводил меня к дивану и присел рядом:

— Расскажи мне о себе. Что любит будущая хозяйка моего дома?

Я окончательно растерялась от его близости и выпалила первое, что пришло в голову:

— Я люблю музыку.

Он тепло улыбнулся, и в уголках его глаз собрались лучики морщинок:

— В нашем доме отныне и всегда будет звучать музыка. Только для тебя.

Я была на седьмом небе от восторга. В моём привилегированном, чопорном мире с моим мнением отродясь никто не считался — отец всегда знал всё лучше всех, а Лира только одёргивала. А тут сам Цезарь держит меня за руку и обещает целый дом музыки!

Дни до торжества пролетели как один миг. Пышная свадьба, жертвоприношения богам, толпы гостей, реки вина — и вот я уже официальная жена Юлия и полноправная хозяй-

ка его дома.

Правда, семейная идиллия длилась ровно до тех пор, пока не закончился медовый месяц.

Цезарь постоянно пропадал в военных походах. Пока я наводила порядок в доме, следила за рабами и часами сидела у окна в ожидании вестей, мой дорогой супруг с увлечением завоёвывал очередные провинции, писал мемуары и собирал триумфы. Он не возвращался домой месяцами, а когда всё-таки приезжал на пару недель, весь его день был расписан между Сенатом, совещаниями и пирами.

Спустя несколько лет в Риме начали шептаться о главном: я не могу подарить ему наследника. Я видела, как муж мрачнеет день от дня, как страстно он мечтает о сыне, которому можно передать имя и власть. По ночам, когда он всё же оказывался в нашей спальне, между нами висело тяжёлое, невысказанное напряжение. Стоит отдать ему должное: даже имея такую железобетонную по римским меркам причину для развода, он меня не бросил. Оставил при себе — то ли из благодарности к моему отцу, то ли просто потому, что удобная и тихая жена в хозяйстве всегда пригодится.

А потом до меня дошли новости о его изменах.

И вот это меня сломало. Точнее, выжгло дотла ту наивную влюблённую девочку, которой я была в пятнадцать лет. Каждая новая девка на его стороне — от знатных матрон до смазливых вольноотпущенниц — вбивала огромную трещину в наш брак. Воспитанная Лирой, я не могла устроить му-

жу громкий скандал с битьём амфор — правила приличия сидели во мне слишком глубоко. Я даже помыслить не могла о том, чтобы швырнуть ему в лицо обвинения при слугах.

Зато я освоила искусство милой, ледяной вежливости.

— Дорогой, ты сегодня выглядишь таким утомлённым, — ворковала я за ужином, с самой нежной улыбкой подкладывая ему запечённых дроздов.

— Неужели в Сенате опять засиделись допоздна? Или проверял новую... как там звали ту прелестную танцовщицу с Палатина?

Цезарь замирал с кубком у губ, подозрительно прищуривался, но на моём лице сияла такая искренняя, ангельская забота, что придраться было не к чему.

— Государственные дела требуют выдержки, Кальпурния, — сухо отвечал он, отставляя вино. — Тебе не стоит забивать голову сплетнями.

— Что ты, милый, какая голова? Я ведь всего лишь мраморная колонна, — кротко вздыхала я и подливала ему ещё фалернского. — Кушай, пожалуйста. Вдруг ночью снова понадобятся силы для... государственных дел.

Параллельно с этими «тёплыми» семейными ужинами я завела очень близкое знакомство с его верным помощником и любимцем — Марком Юнием Брутом.

Брут с самого начала относился ко мне с огромным почтением и искренней симпатией. Он часто бывал в нашем доме, мы часами беседовали в саду о философии, поэзии и судьбе

республики. Год за годом я методично склоняла его на свою сторону, капля за каплей подтачивая его слепую, щенячью преданность Юлию.

Я и сама ещё толком не знала, к чему всё ведёт. Просто обида копилась внутри, как яд в закрытом сосуде. Ведь, несмотря ни на что, я всё ещё любила своего мужа и где-то в глубине души надеялась, что он одумается.

Последней каплей стала эта египетская девчонка. Клеопатра.

Мало того, что Цезарь посмел открыто жить с ней в Александрии. Мало того, что она родила ему сына — того самого наследника, которого не смогла дать я! Так этот гений дипломатии и семейных ценностей додумался притащить её с ребёнком прямо в Рим и поселить на своей вилле за Тибром!

Весь город гудел, как растревоженный улей. Над моей терпеливостью открыто смеялись за спиной, а муж даже не пытался сделать вид, что ему неловко.

Вот это и решило его судьбу. Внутри меня словно щёлкнул замок: любовь закончилась, осталась только холодная, кристальная ярость.

Очень скоро через Брута я вышла на его шурина и соратника — Гая Кассия Лонгина. Кассий оказался человеком куда более приземлённым и злым, чем идеалист Брут. Мы сидели в дальнем углу нашего сада под раскидистым платаном: Брут нервно мял край тоги, а Кассий деловито рисовал веткой на песке схему Сената.

— Мы должны сделать это ради свободы Рима! — пафосно шептал Брут, оглядываясь на кусты. — Пусть Юлий поймёт, что республика не потерпит тирана! Мы окружим его, припугнём и потребуем вернуть власть народу!

Кассий закатил глаза и покосился на меня. Я спокойно отпила разбавленного вина и уточнила:

— Марк, дорогой, а если он не испугается? Юлий всё-таки не пугливая лань, он пол-Европы завоевал. Вдруг он просто отберёт у вас кинжалы и велит выпороть на форуме?

— Он не посмеет пойти против лучших сынов отечества! — возмутился Брут.

— Конечно, не посмеет, — кивнул Кассий с кривой ухмылкой. — Особенно если не успеет договорить первую фразу. Бей наверняка, Брут, а о свободе Рима мы потом красивые речи напишем. Я даже лично помогу с текстом.

Так мы и начали готовить покушение. Липовое и почти бескровное — по наивной версии Брута. Настоящее, быстрое и смертельное — как отлично знали мы с Кассием. Я хотела, чтобы мой муженёк умер. Причём желательно — с осознанием того, кто именно подписал ему приговор. Но при этом моя семья должна была остаться кристально чистой перед законом и историей.

В день знаменитых Мартовских ид я разыграла перед Юлием грандиозный драматический спектакль, достойный лучших греческих трагедий.

Со слезами на глазах, заламывая руки и сбив причёску,

я упала перед ним на колени и умоляла не ходить в Сенат, потому что мне приснился кошмарный, вещий сон — будто я держу его окровавленное тело на руках. Я специально причитала так громко, чтобы собрать в атриуме как можно больше слуг, клиентов и свидетелей. Пусть потом весь Рим подтвердит, как сильно верная, любящая Кальпурния пыталась спасти своего обожаемого супруга от беды!

Цезарь на мгновение задержался, коснулся пальцами моего подбородка — всё тем же уверенным, чуть снисходительным жестом хозяина жизни — и покровительственно улыбнулся:

— Сны — это всего лишь тени ночи, Кальпурния. Неужели ты думаешь, что Цезарь испугается женских страхов и не пойдёт в Сенат?

— Береги себя, мой господин, — всхлипнула я, пряча глаза.

Несмотря на мои яростные мольбы, он развернулся и твёрдым шагом пошёл навстречу своей судьбе. Я проводила его взглядом до самых ворот, аккуратно вытерла слёзы краем покрывала и хищно улыбнулась:

— Ну иди-иди, милый. Тебя там уже заждались.

Едва сдерживаясь, чтобы не пританцовывать от восторга прямо на глазах у растерянной Лиры, я накинула плащ, быстро наняла носильщиков и отправилась следом за ним к театру Помпея, где заседал Сенат. Кассий заранее всё продумал: через неприметную потайную дверь он провёл меня в скры-

тый верхний альков за резной решёткой прямо над залом заседаний. Отсюда всё было видно как на ладони.

Дальше всё прошло как по нотам.

Я сверху, затаив дыхание, наблюдала, как сенаторы плотным кольцом окружают кресло Юлия под предлогом какой-то петиции. Вот сверкнул первый клинок. Вот Кассий наносит удар. Вот вся толпа заговорщиков достаёт кинжалы и с остервенением начинает дырявить моего благоверного. Брут, побледневший и растерянный, не сумев противостоять напору толпы, тоже шагнул вперёд и всадил свой нож.

И вот в момент своей смерти, уже падая и истекая кровью на мраморном полу у подножия статуи Помпея, Цезарь вдруг поднял голову.

Сквозь мутную пелену боли и шока его взгляд скользнул вверх, пробил полумрак галереи — и наткнулся за колонной на меня. Стоящую с самой сладкой, победной и торжествующей улыбкой.

В его угасающих глазах в одну секунду промелькнуло понимание. Он сложил всё вместе: и мои слёзы утром, и дружбу с Брутом, и свой собственный самоуверенный смех. Мне показалось, я почти физически услышала, как его пересохшие губы прохрипели беззвучное: «Мы ещё встретимся».

Я ласково улыбнулась ему сверху, помахала ручкой и послала воздушный поцелуй.

Выходя из Сената через чёрный ход и жмурясь от яркого весеннего солнца, я лениво подумала: «Ну да, конечно,

встретимся мы. Разбежался. Это тебе за твою египетскую девицу, дорогой. Спи спокойно».

Кто же знал, о Юнона, как сильно я тогда ошибалась…

Парфия

Римскую республику в тридцатых-двадцатых годах до нашей эры знатно штормило. Гражданские войны полыхали вовсю, втягивая даже самые отдалённые италийские провинции. Рим подавлял эти восстания привычными методами — кровью, огнём и мечом. Очаги бунта безжалостно выжигались, а богатые римские дома параллельно пополнялись свежими партиями живого товара. В итоге количество италийских рабынь и рабов превысило все мыслимые нормы. Если раньше встретить соотечественника в ошейнике было редкостью, то теперь практически в каждом втором патрицианском особняке служил итальянец — подавал вино, чистил сандалии и тихо проклинал сенаторов на родном наречии.

В такой вот чудный исторический момент я и родилась заново. Буквально через пару лет после того, как помахала ручкой Цезарю из скрытой галереи Сената. Вселенная явно сэкономила на моём техническом перерыве — ни тебе отдыха в райских кущах, ни даже приличных условий жизни.

Наша парфянская история началась в 20 году до нашей эры. Рим и Парфия наконец-то заключили важнейший мирный договор. Для римлян это был вопрос колоссальной национальной гордости: парфяне вернули утерянные давным-давно боевые знамёна легионов Марка Красса. В знак великой благодарности и для скрепления дружбы римский

император Октавиан Август отправил парфянскому царю Фраату IV роскошные дары. Главным подарком, конечно, был возвращённый из плена родной сын парфянского правителя.

Но среди этих сундуков с шелками, золотых чаш, породистых скакунов и даже парочки дрессированных львов затесалась молодая, невероятно красивая итальянская рабыня по имени Муза. То есть я.

Август выбрал меня не случайно. Я была чертовски хороша собой, обучена тончайшему римскому этикету, умела поддержать беседу о поэзии и, по задумке императора, должна была ненавязчиво продвигать римские интересы на Востоке. Наивный Октавиан. Он крупно недооценил масштабы моих личных амбиций — я и в прошлой жизни не особо любила работать на чужую империю, а уж в ошейнике и подавно.

Так я попала в огромный, душный восточный гарем Фраата IV. Местечко оказалось колоритным: тяжёлый запах благовоний, вечный шёпот евнухов, сплетни на трёх языках и строгое расписание банных процедур. Там и без меня было весело: четыре законные жены, вагон наложниц на любой вкус и целая очередь из взрослых, амбициозных сыновей-наследников, которые смотрели друг на друга так, словно прикидывали, куда удобнее спрятать клинок.

Стоило Фраату только взглянуть на меня, как он мгновенно растаял. Моя античная красота на фоне местных дам сра-

ботала как безотказное осадное орудие, и уже в первую неделю царь вызвал меня в свои личные покои.

Я, как и положено покорной рабыне, скромно потупила глазки, сложила руки на животе и замерла в полупоклоне. Повелитель медленно ходил вокруг меня, как сытый кот вокруг миски со сметаной, заворожённо осматривая прекрасную итальянку со всех сторон. Пахло от него сандалом, дорогим вином и властью. Наконец он придвинулся ближе, протянул тяжёлую, украшенную перстнями руку и осторожно коснулся моей щеки.

БАААААААХ! Нас обоих словно ударило мощнейшим разрядом небесной молнии.

В голове Фраата пронеслась жуткая, смазанная картина: мраморный зал, белые тоги и острые ножи, которые один за другим с размаху впиваются в его тело. Он почти физически почувствовал эту предсмертную боль и чётко увидел меня — стоящую на галерее за колонной Сената с торжествующей, хищной улыбкой.

В моей голове в ту же секунду тоже рванули воспоминания о прошлой жизни величественной матроны Кальпурнии и тот самый последний, ошарашенный взгляд, который Цезарь бросил на меня перед смертью. Вот тебе и «разбежался, дорогой»! Это он! Мой бывший! Только теперь в парфянском халате и с густой чёрной бородой!

Мы застыли, дико вглядываясь друг в друга и вообще не понимая, что за чертовщина сейчас произошла. Фраат от-

дёрнул руку так, будто обжёгся об раскалённую жаровню, и первым обрел дар речи. Голос его заметно дрожал:

— Ты… Ты убила меня, девушка.

Я мгновенно взяла себя в руки. Сорок с лишним лет строгого римского воспитания всплыли в моей памяти, да и врождённая вредность не позволили мне сознаться. Не хватало ещё в первую же неделю загреметь на кол или в пасть к тем самым подарочным львам. Я сделала вид, что ничего не произошло, и захлопала ангельскими, абсолютно невинными глазами:

— О, повелитель! Как вы можете такое говорить? Я в вашем дворце всего неделю, боюсь даже кухонного ножа для инжира и никогда в жизни не причиню вам зла.

— Я видел… — он потряс головой, пытаясь отогнать наваждение, и схватился за виски. — Клянусь Митрой, я видел мраморный пол, кровь и твоё лицо! Ты улыбалась, пока меня резали!

— Наверное, это от жары или от молодого вина, мой господин, — кротко пролепетала я, стараясь не выдать ни единым мускулом, как бешено колотится сердце. — Говорят, итальянскаяя красота иногда туманит разум даже самым великим царям.

Фраат долго и подозрительно всматривался в моё лицо. Он явно соображал, что в его внезапном видении эта женщина выглядела совсем иначе — старше, в богатых римских одеждах, — но черты лица… черты лица были один в один.

Царь окончательно запутался в происходящем абсурде, попятился к трону и на всякий случай велел страже отослать меня обратно в гарем.

Проходил день за днём. Царь не находил себе места, то и дело вспоминая странную итальянку, которая умудрилась довести его до галлюцинаций одним прикосновением. Постепенно шок от того мистического разряда начал тускнеть — мало ли что причудится уставшему правителю после пира, — и он снова вызвал меня к себе.

На этот раз он подходил ко мне с опаской, как сапёр к бочке с греческим огнём. Осторожно приблизившись, он замер на секунду и всё-таки снова коснулся моей кожи.

Но — тишина. Никаких вспышек, никаких ножей и призраков Сената. Только тёплая кожа и лёгкий аромат жасминового масла. Перед ним стояла просто красивая, трепетная девушка, которая смотрела на него влюблёнными, преданными глазами.

— Видите, повелитель, — тихо выдохнула я, прижимаясь щекой к его ладони. — Никакого колдовства. Только ваше сердце.

Фраат облегчённо рассмеялся, и с этого вечера всё закрутилось.

Август не врал: я действительно была умна. И, раз уж Вселенная снова свела нас в одной постели, я решила выжать из этой партии максимум. Действуя тончайшими манипуляциями, лестью, вовремя пролитыми слезами и женской хит-

ростью, я провернула беспрецедентный в истории Парфии финт — Фраат IV официально сделал бывшую чужеземную рабыню своей главной, законной царицей!

И самое смешное во всём этом? Сама того не замечая, в процессе всех этих интриг я искренне и по-настоящему полюбила своего парфянского мужа. Без Клеопатры под боком и бесконечных римских сенаторов он оказался на редкость щедрым, пылким и внимательным мужчиной. Я даже почти простила ему те былые римские похождения — ну, с кем не бывает в прошлой жизни.

Но идиллия длилась ровно до тех пор, пока у нас не родился сын — Фраатак, что переводилось как «маленький Фраат». И тут передо мной встала чисто материнская и сугубо практическая задача: как усадить любимого сына на трон, если перед ним в очереди топчется толпа взрослых, зубастых сыновей царя от прошлых браков?

Решение нашлось быстро. Я включила весь свой дипломатический талант и мягко убедила Фраата IV… выслать всех старших сыновей вместе с их семьями прямиком в Рим. Я преподнесла это мужу как жест невероятной политической мудрости:

— Дорогой, покажи Октавиану свою тотальную преданность и широту души. Отдай мальчиков в качестве «почётных заложников». Пусть поживут при императорском дворе, поучатся западной хитрости, а заодно не будут плести здесь заговоры за твоей спиной.

Царь растрогался до слёз от моей прозорливости, согласился, и огромный дворец резко опустел.

А с четырьмя прежними жёнами царя одна за другой случились абсолютно прискорбные, но совершенно случайные бытовые неприятности: первая поскользнулась на свеженатёртом мраморном полу и неудачно улетела с крутой лестницы; вторую съели те самые львы, которых прислали ещё вместе со мной — бедняжка зачем-то полезла проверять, сытые ли котики; третья неудачно облокотилась на резные перила высокого балкона; а четвёртая отравилась фисташковым щербетом, в котором непостижимым образом оказался яд от дворцовых грызунов. Восточные дворцы вообще проектировались без малейшего соблюдения техники безопасности.

Помню, после истории со щербетом Фраат даже немного занервничал. Вечером он сидел на подушках, хмуро крутил в пальцах кубок и подозрительно косился на блюдо со сладостями:

— Муза, свет очей моих… тебе не кажется, что в последнее время в нашем гареме творится какая-то чёрная полоса? Четыре жены за два года. Евнухи уже шепчутся о проклятии.

Я с самым скорбным и сочувствующим видом присела рядом, ласково погладила его по плечу и горестно вздохнула:

— О, повелитель, я сама ночей не сплю, молюсь всем богам сразу! Но вы же видите, какие у нас тут сквозняки, скользкие полы и совершенно бестолковые повара. Вчера на кухне крыс травили — вот, видимо, какая-то растяпа и пе-

репутала баночки со специями. Сладкое вообще вредно для женской фигуры, я им сто раз говорила!

Фраат внимательно посмотрел мне в глаза, потом на мои тонкие пальцы, которыми я заботливо подвигала к нему тарелку с яблоками, и тяжело вздохнул:

— Наверное, ты права. Надо велеть казнить главного повара и прибить к балконам доски повыше. Не дай бог с тобой что-нибудь случится, я этого не переживу.

— Что вы, мой господин, я невероятно осторожна, — кротко улыбнулась я, убирая пустой флакончик подальше в шкатулку. — И яблочки я лично вымыла. Кушайте на здоровье.

Путь для моего мальчика был полностью расчищен.

Годы летели. Маленький Фраатак вырос и превратился в статного, красивого юношу, полностью готового занять престол. А вот его отец сдавал на глазах. Царь был ещё далеко не старик, но бесконечные военные походы, старые раны и неумеренные пиры окончательно подорвали его здоровье. С каждым годом он превращался в ворчливую, болезненную развалину. И что самое опасное — он всё чаще и тоскливее начал вздыхать по своим старшим сыновьям, которые роскошно обустроились в Риме.

В моей душе поселился ледяной страх. Если Фраат отправит гонца в Рим и вернёт первенцев — прощай, долгожданный трон для Фраатака. Вся моя многолетняя работа, все бессонные ночи и даже жертва тех бедных жён пойдут пра-

хом. Нужно было действовать решительно.

В 2 году до нашей эры я пришла в его покои.

— Мой милый супруг, мы так давно не проводили время наедине, — ласково произнесла я, поправляя подушки за его спиной. — Давай устроим тихую вечернюю трапезу? Без стражи, без советников и без вечных докладов с границы.

Царь, которого измучили постоянные боли в суставах, был искренне рад вниманию своей прекрасной царицы. Он тут же приказал слугам накрыть низкий столик у ложа и немедленно оставить нас одних.

— Моя милая, моя любимая Муза, — тихо произнёс он, глядя на меня тёплыми, полными обожания глазами и сжимая мою ладонь. — Я благословляю тот день, когда император Рима прислал мне тебя. Ты моё счастье, мой свет и моя единственная любовь.

В этот момент моё сердце предательски дрогнуло. Чувства к мужу всё ещё жили во мне, и я на секунду искренне засомневалась в своём страшном решении. Может, ну его, этот трон? Поживём ещё спокойно…

Но тут Фраат благодушно вздохнул и добавил:

— Знаешь, я так сильно скучаю по мальчикам… Пожалуй, завтра же утром напишу письмо и отправлю скорого гонца в Рим. Пусть старшие сыновья приедут навестить отца. Пора нам всем собраться за одним столом.

Это стало его фатальной ошибкой. Вся моя жалость испарилась мгновенно, будто её и не было.

— Да, мой повелитель. Если ты так хочешь, ты обязательно должен это сделать, — покорно и очень сладко улыбнулась я. — Только сначала выпей немного гранатового вина, оно отлично снимает боль перед сном.

Я мягко поднялась, зашла ему за спину, взяла его массивный золотой бокал и щедро налила густого, рубинового напитка. Пока царь отвлёкся на серебряное блюдо с медовыми финиками, я быстрым, отточенным движением плеснула в кубок мутную жидкость из спрятанного в складках платья хрустального флакончика.

Присев рядом с ничего не подозревающим мужем, я налила вина и себе. Фраат тепло улыбнулся мне, поднял кубок и осушил его до дна.

Улыбка ещё держалась на его губах, когда он резко побледнел. Его глаза округлились, он выронил тяжёлое золото на ковёр и судорожно схватился за горло, хрипя и глотая воздух.

Я бесстрастно смотрела на его конвульсии, спокойно отпила из своего бокала и тихо произнесла:

— Ты правда думал, дорогой, что я позволю твоим римским выскочкам обойти моего сына на пути к престолу?

— Как… как ты могла? — едва слышно прохрипел Фраат, истекая холодным потом. — Я ведь так… любил тебя. Ты заплатишь за это, Муза…

С этими словами он тяжело рухнул лицом прямо в блюдо с финиками и испустил последний вздох.

Я хладнокровно подняла свой бокал и залпом допила его за здоровье нового правителя. Технически мне теперь предстоял унылый статус тихой вдовствующей матери при молодом царе — сидеть на женской половине и вышивать подушки. Но я не для того травила великого Фраата, чтобы сидеть на задворках истории!

Я совершила невиданный переворот в суровых парфянских традициях: официально объявила себя полноправной соправительницей империи вместе со своим юным сыном Фраатаком, который взошёл на трон под именем Фраата V. Мы даже отчеканили монеты, где на одной стороне был его профиль, а на другой — мой.

Иногда, сидя на золотом троне Парфии, я вспоминала предсмертные слова мужа о том, что я за всё заплачу. И только весело улыбалась. Главное — я успела первой.

Сарматия

На этот раз Вселенная дала мне немного отдохнуть. Я родилась в пятидесятом году нашей эры в бескрайних степях у реки Дон. Меня зовут Амага. Я дочь сарматского вождя и будущая правительница племени. Женщины у нас не уступают мужчинам ни в доблести, ни в военном деле: седло нам знакомо раньше колыбели, а меч лежит в руке куда естественнее, чем гребень. И именно сейчас я планирую грандиозный набег на Парфию.

На дворе 72 год нашей эры. В теории с парфянами мы союзники: обмениваем их шелка и благовония на наших выносливых степных коней. Но в последнее время соседи что-то слишком хорошо начали жить. Мы посовещались у костра и решили, что они просто обязаны поделиться, — пора немного проредить их финансовые возможности.

Мы ворвались через кавказские ущелья и разнесли половину персидских провинций. Грабить простых крестьян — дело нерентабельное и откровенно скучное, поэтому мы нацелились на караваны самого царя. Уничтожая один за другим, мы раздобыли прекрасный набор «дани». Ну, мы её так называли: раз мы её взяли, значит, они нам её сами дали. Просто забыли оформить расписку.

И вот на горизонте, в мареве степного зноя, показался один из самых богатых караванов, что мы видели. Он шёл

не спеша, под огромной охраной. Опытные воины под моим предводительством ринулись в атаку. Степь, пыль, свист стрел и грохот копыт… После того как стражи катастрофически и совершенно случайно погибли, наткнувшись на наши мечи, мы принялись подсчитывать добычу. Количество тончайшего шёлка, прибывшего, скорее всего, из самого Китая, превышало все разумные пределы. Этого хватит, чтобы обеспечить нам роскошную жизнь на ближайшие годы.

В одной из массивных деревянных клеток на повозке мы обнаружили великолепных львов. Караван держал путь в сторону Греции и вёз их в дар.

— Подарок? Кому? — спросила я, заглядывая сквозь прутья на рыжего хищника, который лениво зевнул мне в лицо.

— Греческой принцессе Ариадне, — отрапортовал один из воинов, копаясь в караванных свитках.

— С чего вдруг ей дарить львов? У них там в Греции своих кошек мало?

Как раз в этот момент Гоар, мой верный лейтенант, притащил за шиворот тщедушного парнишку. Тот был одет невероятно роскошно — расшитый золотом кафтан, мягкие сафьяновые сапожки, на пальцах перстни — и при этом так громко клацал зубами от страха, глядя на меня, что заглушал фырканье лошадей. Я вопросительно посмотрела на Гоара.

— Парфянский принц, — усмехнулся тот. — Едет жениться на принцессе Ариадне. Львы — часть свадебного приданого.

— То есть к котикам прилагался ещё и вот этот… сувенир? — Я скептически оглядела пленника с ног до головы.

В моём мозгу мгновенно пронеслись образы караванов с золотом, которые парфянский царь отдаст за своего ненаглядного сыночка, каким бы ничтожным тот ни выглядел. Я махнула рукой:

— Забираем его с собой. И кошек тоже берите — в хозяйстве пригодятся.

Гоар схватил принца за шиворот, как нашкодившего котёнка, перекинул через седло, не слушая возмущённых воплей, и мы помчались обратно — в дикие сарматские степи к Дону.

Этот слабак выводил меня всю дорогу своим нытьём. Не понимаю, как он вообще дожил до своих лет. Дорогу он не переносил, его постоянно тошнило. Он жаловался, что привык к прохладным залам, шёлковым подушкам и золоту парфянского дворца, а наша походная кибитка трясёт, скрипит и пахнет мокрой овчиной. А ещё — что вместо изысканного вина и сладких яств ему предлагают пить кислый кумыс и жевать сушёную несолёную конину.

Поскольку я не считала, что пленный принц должен ехать с нами на полном пансионе просто так, я придумала ему специальную почётную должность — чистильщик копыт.

— Что, прости? — переспросил он, брезгливо морща тонкий нос.

— Будешь чистить коням копыта на привалах, чтобы у

них не забивались камни во время перехода, — мстительно отрезала я, протягивая ему железный крючок. — Заодно на свежем воздухе тошнота пройдёт.

— Я не буду этим заниматься! — напыщенно заявил принц, выпятив грудь. — Я царской крови!

— Ну-ну. Тогда за каждый отказ мы будем отрезать тебе по пальцу. Начнём с мизинцев — они в быту всё равно почти не нужны.

— Вы не посмеете, я ценный заложник!

Я молча выхватила кинжал и угрожающе придвинулась к нему. Конечно, портить товарный вид пленника я не собиралась — за целого принца платят куда охотнее, — но парень знатно струхнул, сглотнул и с глубочайшим отвращением принялся за работу. Я бросила ему на прощание:

— Обращайся ко мне «госпожа» и не забывай кланяться. И копыто держи крепче, а то кобыла у меня нервная, может и приложить.

Я видела, как он побагровел от ярости, но сдержался и промолчал, усердно ковыряя грязь из-под копыта.

Вскоре мы добрались до нашего стойбища. Отец встретил нас с распростёртыми объятиями — уловом он был явно доволен. Мы привезли горы драгоценностей, тюки шёлка и клетку с рычащими львами, но больше всего его обрадовал именно принц. И тут случилась неожиданность, которую я никак не могла просчитать. Отец взглянул на меня, погладил седую бороду и твёрдо произнёс:

— Ты выйдешь замуж за принца.

— Чего?! — вылупилась я, едва не поперхнувшись кумысом. — За этого хлюпика? Да он вчера от вида дождевого червя в обморок чуть не упал!

— Ты не представляешь, как важно сейчас породниться с Парфянским царством.

— Да что нам сделают эти слабаки? Мы разнесли их провинцию за пару недель!

— Да, но это от неожиданности, — вздохнул отец. — Парфяне — хорошие воины, когда успевают собраться. Они могли бы оказать жёсткое сопротивление. А так, если принц станет твоим супругом, мы заключим прочный мирный договор, закрепим торговые пути и при нужде объединим наши армии.

Я не сумела скрыть отвращения. Как раз в этот момент в юрту вошёл принц Митридат. Он испуганно и одновременно надменно переводил взгляд с меня на отца. Стоял бледный, поникший, но недели в степи, к моему удивлению, пошли ему на пользу: он заметно загорел, перестал шарахаться от каждого шороха и словно немного возмужал.

— Принц Митридат, — радушно заговорил отец, — мне искренне прискорбно слышать, что вы случайно стали нашим заложником.

— Случайно?! — вспылил тот. — Да ваша дочь выкрала меня, разграбила караван, заставила чистить копыта лошадям — и всё это случайно?!

Отец вопросительно глянул на меня, а я притворилась, будто меня до глубины души заинтересовал узор на моём кинжале.

— Ну, мы не ожидали, что вы окажетесь в той повозке… Думали, там сундуки с серебром.

— И ограбили тоже случайно?

— Ой, — вождь замахал руками, словно отгоняя назойливую муху. — Послушайте, что вспоминать старое? Дело житейское. Тем более мы можем прекрасно договориться.

— Вы вернёте меня отцу? — с надеждой спросил принц.

— Не совсем. Вы женитесь на моей дочери.

У принца челюсть отвисла чуть ли не до пола.

— На этой дикарке?! Да никогда! К тому же я помолвлен с греческой принцессой!

— Я тем более не пойду! — фыркнула я, уперев руки в бока. — С этим изнеженным мальчишкой? Да я его на первом же переходе в степи потеряю! Никогда!

— Вы поженитесь! — громовым голосом отрезал вождь так, что задрожали шкуры на стенах юрты. — И это не обсуждается. Если ты откажешься, — он зыркнул на принца, — я скормлю тебя тем самым львам, которых вы везли гречанке. А если откажешься ты, — вождь повернулся ко мне, — не видать тебе поста вождя после моей смерти. Всё сделаю, чтобы власть ушла твоему двоюродному брату. Что до принцессы Ариадны — поплачет и найдёт нового принца.

Я глотала воздух ртом, возмущённая до предела. Подлый

удар под дых! Но делать нечего: статус вождя мне был дороже, а этого принца я уж как-нибудь приручу — не таких объезжали.

Со свадьбой затягивать не стали. И вот мы стоим перед древним мечом наших пращуров, воткнутым в землю, и приносим клятвы. Отец берёт серебряную чашу с вином и протягивает нам ножи. Митридат с недоумением смотрит то на оружие, то на меня. Я демонстративно, даже не поморщившись, надрезаю ладонь и капаю кровью в кубок. Он бледнеет, но под тяжёлым взглядом вождя повторяет жест, тихо ругаясь на наше варварство.

Наши руки соприкасаются над чашей, и вдруг — БАААААААХ! — перед глазами проносится ослепительный вихрь воспоминаний. Мартовские иды, ножи в чьей-то спине… Митридата? Нет, лицо то и не то одновременно. А потом тяжёлый золотой бокал с ядом, уже в Парфии. Я вижу себя, стоящую на галерее над одним умирающим мужем, а затем спокойно подающую отравленное вино другому.

Колоссальным усилием воли я беру себя в руки. Я крепко держу чашу, хотя Митридат дёрнулся и тут же отдёрнул ладонь, словно обжёгся.

Отец смотрит на нас, сурово нахмурившись:

— Что случилось?

— Ничего, — спокойно отвечаю я, делаю глоток и передаю кубок принцу.

Мы снова соприкасаемся руками, внутренне сжавшись и

готовые к новой вспышке, но больше ничего не чувствуем. Странно. В конце концов Митридат через силу допивает вино с кровью, и нас объявляют мужем и женой. Сразу после пира мы отправляемся в путь — наше племя кочует на зимние пастбища.

— Что это было? — глухо спрашивает он позже, когда мы остаёмся вдвоём в тряской повозке.

— Ты о чём? — невинно хлопаю я глазами.

— Не делай вид, будто у тебя не было видений. Ты убила меня дважды! Сначала ножами, потом отравила!

— Ай, тебе просто степное солнце голову напекло, да и не привык ты пить вино с кровью, — безмятежно отмахиваюсь я, хотя на душе кошки скребут. — Поспи лучше, дорогой супруг, до стоянки ещё три дня пути.

Митридата всю дорогу мутит: он так и не привык к тому, что его дом теперь качается, скрипит на каждой кочке и пахнет сырой кожей.

Три недели спустя мы прибыли на зимнюю стоянку и начали разбивать юрты. Парфянский принц заявил, что ему нужно помолиться богам, дабы они даровали нам спокойную жизнь на новом месте. В ответ я молча указала ему на старый железный меч, торчащий в центре нашей юрты. Он непонимающе уставился на меня.

— Вот наш бог. Бог войны, — отрезала я. — Молись ему, он у нас суровый, но справедливый.

Он привычно пробормотал под нос, что мы безнадёжные

дикари. Отводя глаза от оружия, он брезгливо оглядел юрту, обвешанную толстыми шкурами и войлоком, и выдал:

— Ох… В моём дворце в Парфии были тонкие меха, шёлковые занавеси, мозаика на полах… А это что? Хотя вот этот кубок на столе неплох. Какая необычная, сложная ковка…

— Он похож на череп, — любезно подсказала я.

— Да, какая-то варварская работа… Почему у ваших мастеров такая странная фантазия? Зачем придавать сосуду для вина такую форму?

— Потому что это череп и есть.

Митридат смертельно побледнел, и кубок задрожал в его пальцах:

— Как череп?! Чей?!

— Череп моего первого врага. У нас есть старый добрый обычай заковывать их в золото и использовать в быту. Очень практично, между прочим — и память, и посуда.

В ужасе и с отвращением он швырнул кубок на войлочный пол, словно тот внезапно зашевелился. Я мстительно продолжила:

— Кожу мы, к слову, тоже используем. Так что если не хочешь стать симпатичным прикроватным ковриком, прекрати разбрасываться ценными вещами и подними кубок.

Ворчала я скорее по привычке, уже без былой злобы. Потихоньку я начинала привыкать к этому изнеженному принцу. Да и он, несмотря на свои вечные подколки, всё чаще задерживал на мне взгляд — особенно когда я снимала тяжё-

лый походный доспех.

Мы обустраивались в нашем зимнем убежище. Вечерами, когда ветер завывал за войлочными стенами, я сидела у очага и вышивала себе новую одежду. В чём-чём, а в шитье золотом и создании украшений сарматкам равных нет. Все свои побрякушки, особенно массивный перстень с огнедышащим драконом, пожирающим змея, я выковала сама. А о нашей вышивке и вовсе ходят легенды — мы даже боевые чешуйчатые доспехи украшаем тонкими золотыми узорами.

Как-то вечером Митридат ворвался в юрту, пыша гневом, и ткнул мне прямо в нос своим парадным кинжалом:

— Что это такое?!

— Тамга, — спокойно ответила я, не отрываясь от пялец и мельком глянув на выбитый на рукояти родовой знак.

— Ты испортила редкий кинжал, выкованный в сотом году до нашей эры ещё в Римской республике!

— Я его не испортила, я приняла его на баланс Сарматии, — невозмутимо парировала я. — Теперь это наше семейное имущество. И вообще, радуйся, что я его на переплавку не пустила — сталь неплохая, на пару наконечников для стрел как раз бы хватило.

Он тяжело вздохнул, открыл было рот для новой тирады, но перевёл взгляд на моё шитьё и внезапно изменился в лице. Работа действительно была невероятно тонкой — золотые нити ложились стежок к стежку, складываясь в сложный орнамент.

— Это… ты сама? — недоверчиво спросил он, присаживаясь рядом и осторожно трогая край ткани.

— А ты как думал? — усмехнулась я, откладывая иглу. — Что я могу только топором махать да коням хвосты крутить? Я могу перерезать тебе горло, дорогой муж, а могу расшить тебе кафтан золотыми драконами. И то, и другое я делаю идеально.

— Предпочту кафтан, — тихо хмыкнул Митридат, и впервые за всё время в его глазах мелькнула не злость, а настоящее восхищение. — Если, конечно, ты не пришьёшь к нему чью-нибудь кожу.

Прошло несколько лет. Митридат окончательно освоился и даже вступил в нашу тяжёлую кавалерию — катафрактарию. Правда, поначалу привычно возмущался: мол, в Парфии катафрактарии — это сплошь аристократы и богатые наследники, их скакуны закованы в полированные благородные металлы и сверкают на солнце. У нас же всё было прагматично затянуто в глухую броню из железных и кожаных чешуек. Издалека такой всадник казался сплошным грохочущим железным монстром.

Да и сарматские степные кони — коренастые, лохматые и упрямые — так отличались от привычных ему изящных скакунов, что Митридат долго не мог к ним даже подойти. Первая попытка прокатиться закончилась тем, что он с оглушительным грохотом полетел с этого «мохнатого моста» прямо в весеннюю грязь, чем до слёз развеселил весь отряд. Но со

временем он проявил неожиданное упорство и сильно удивил меня, доказав, что он не просто изнеженный дворцовый принц, а весьма искусный и выносливый воин.

Годы в степи закалили его, и теперь он держался в седле не хуже моих лучших людей.

Мой отец со временем отошёл к предкам, и статус вождя перешёл ко мне. К тому моменту мы прожили с Митридатом уже пятнадцать лет и обзавелись тремя детьми. Если вначале мы питали друг к другу лишь отвращение, злость и настороженный страх (особенно после той мистической вспышки на свадьбе), то со временем прониклись глубоким уважением и настоящей, крепкой любовью.

И всё бы шло прекрасно, но тут я начала планировать очередную атаку на Парфию — казна требовала пополнения, а старые договорённости давно выдохлись. Митридату я до последнего ничего не говорила, ведь на парфянском престоле сейчас сидел его родной брат, и я понимала, что мужа эта затея сильно расстроит. Но «расстроит» — мягко сказано. Когда разведчики проболтались, он был в настоящем бешенстве.

Мы с Гоаром склонились над картой в моей юрте, обсуждая план перехода через горы, когда принц ворвался к нам, пылая от ярости:

— Ты не посмеешь напасть на мою страну!

— Твоя страна теперь здесь, — холодно отрезала я, даже не подняв головы от карты. — Ты стал сарматом, ты принес

клятву на крови в день нашей свадьбы. И ты не посмеешь предать свой новый народ.

— Это мой брат, Амага! Моя кровь!

— А здесь твои дети и твоя жена, — жёстко напомнила я, глядя ему прямо в глаза. — И у твоих детей скоро зима, а в казне гуляет степной ветер. Парфия богата, ей не убудет.

Митридат от злости до побеления костяшек сжимал кулаки, но сделать ничего не мог — вождём племени была я, и воины подчинялись только мне. Тогда он сменил тактику и принялся методично, день за днём, склонять меня к отказу от похода.

Однажды тёплым осенним вечером он пришёл в мою юрту уже без криков и упрёков, обнял за плечи и тихо предложил пройтись по краю стойбища — подышать свежим воздухом и поговорить спокойно. Я согласилась. Шагая рядом, он горячо, но без злости пытался меня переубедить, напоминая о мире, о детях, о том, что мы и так богаты. Я упрямо стояла на своём: мы всё равно пойдём в поход.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.